

ВВЕДЕНИЕ

К лезгинским языкам, составляющим южное ответвление дагестанской семьи языков, традиционно относят собственно лезгинский, табасаранский, агульский, рутульский, цахурский, арчинский, крызский, будухский, удинский и хиналугский языки.

Территория распространения лезгинского языка, на котором говорит, по переписи 1979 г., 383 тыс. чел., включает Сулейман-Стальский, Магарамкентский, Курахский и Ахтынский районы, а также отдельные селения Хивского и Рутульского районов ДагАССР и Кубинский, Кусарский и другие районы АзССР, где лезгины проживают вперемежку с азербайджанцами.

Лезгинский язык — один из наиболее исследованных дагестанских языков. Первая грамматика лезгинского языка была составлена П.К. Усларом, описавшим один из говоров яркинского диалекта, и опубликована в 1896 г. До этого А. Шифнером (1873) был выпущен на немецком языке краткий конспект этой грамматики. В 1941 г. вышло в свет грамматическое описание лезгинского языка Л.И. Жиркова, сумевшего в значительной степени систематизировать факты лезгинского языка.

Немало работ посвящено отдельным вопросам структуры лезгинского языка. Так, к настоящему времени подробно исследована фонетика: звуковой строй (Гайдаров 1957а; 1959), фонетические процессы (Гайдаров 1957б; Талибов 1962; Топуриа 1974), ударение (Жирков 1940). В области морфологии прежде всего следует назвать монографию У.А. Мейлановой (1960), посвященную категории падежа, и монографию Г.В. Топуриа (1959) о глагольных категориях.

Отметим также несколько статей, в которых вопросы лезгинского языка освещаются, в частности, и в историческом аспекте (см.: Гаджиев 1958; Мейланова 1962; Талибов 1958; 1960б; Топуриа 1957; 1967). В работах М.М. Гаджиева (1954; 1963) основательную разработку получили вопросы синтаксиса, в работах Р.И. Гайдарова (1966б; и др.) — лексики; в работах А.Г. Гюльмагомедова (1978 и др.) — фразеологии. Были составлены русско-лезгинский (Гаджиев 1950) и лезгинско-русский (Талибов, Гаджиев 1966) словари, а также фразеологический словарь (Гюльмагомедов 1975).

Диалекты лезгинского языка (см. Мейланова 1964б, 42) распадаются на три группы: кюринскую, включающую гюнейский, лежащий в основе литературного языка (письменность с 1928 г.), яркинский и курахский диалекты, а также смешанные гилиярский и гелхенский говоры; самурскую, в которую входят докузпаринский и ахтынский

диалекты, а также фийский и курушский говоры; кубинскую. Основанием для подобной классификации служат в основном фонетические признаки, некоторые диалектные единицы четко обособляются и с точки зрения морфологии. По лезгинской диалектологии существует достаточно обширная литература: помимо сводного очерка У.А. Мейлановой (19646) и учебного пособия Р.И. Гайдара (1966а), можно назвать монографии по ахтынскому (Гайдаров 1961), фийскому (Абдулжамалов 1965) и гюнейскому (Мейланова 1970) диалектам и целый ряд описаний более дробных диалектных подразделений (Гаджиев 1957; Ганиева 1972б; 1980; Генко 1929; Гюльмагомедов 1966; 1967; 1968; Мейланова 1957; 1959; Саадиев 1961а). Вместе с тем пока еще недостаточно строго определен лингвистический статус (диалект или говор?) некоторых диалектных единиц.

Табасаранцы (по переписи 1979 г. 75 тыс. чел.) населяют Табасаранский и частично Хивский районы ДагАССР. Первое исследование табасаранского языка было осуществлено П.К. Усларом (опубликовано в 1979 г.). Помимо труда П.К. Услара, в настоящее время мы располагаем рядом грамматических описаний и других авторов (Дирр 1905; Боуда 1939; Жирков 1948; Магомедов 1965; Ханмагомедов 1966). Хотя библиография работ по табасаранскому языку не столь обширна по сравнению, например, с лезгинским, многие аспекты структуры этого языка получили освещение в специальной литературе: фонетический строй (Магомедов 1959 и др.), падежная система (Ханмагомедов 1958а; 1958б; 1958в), структура глагола (Магомедов 1960; 1961; Курбанов 1981), синтаксис (Ханмагомедов 1970), лексика (Загиров 1977; 1978; 1981).

В табасаранском языке принято различать два диалекта — северный и южный. Последний (точнее, его нитрикский говор) лег в основу литературного языка (письменность с 1932 г.). Различия между диалектами наблюдаются в сфере фонетики и глагольной морфологии (см. Магомедов 1965, 15—16). Имеются некоторые основания выделять в качестве самостоятельной диалектной единицы также этегский диалект (Шалбузов 1968).

На агульском языке согласно переписи 1979 г. говорит около 12 тыс. чел., проживающих в Агульском и частично Курахском районах ДагАССР. Грамматическому описанию агульского языка посвящено несколько монографий (Дирр 19076; Шаумян 1941; Магомедов 1970), а также ряд специальных статей (Шаумян 1936; Магомедов 1962; 1966; 1968; Сулейманов 1979 и др.), касающихся отчасти и истории рассматриваемых явлений. С точки зрения диалектных различий в агульском языке принято говорить о собственно агульском (тпигском), керенском, кошанском, буркиханском и фитинском говорах (Магомедов 1970, 15).

Рутульский язык, на котором, по переписи 1979 г., говорит около 15 тыс. чел., представлен в основном в Рутульском р-не ДагАССР. Несколько рутульских селений расположено в сопредельных районах ДагАССР и АзССР. Анализ структуры рутульского языка посвящены исследования А. Дирра (1911), Е.Ф. Джейранишвили (1966а), Г.Х. Ибрагимова (1978) и, кроме того, ряд специальных работ, касающихся в

основном фонетики (Джейранишвили 1953; 1959; 1964; 1966б; Ибрагимов 1972а; 1979; Исаев 1973; Алексеев 1981 и др.).

По классификации Е.Ф. Джейранишвили (1966а, 7) в рутульском языке можно выделить следующие диалекты: собственно мухадский (верхне- и ниже-рутульский), шиназский, мухрекско-ихрекский и борчский. Г.Х. Ибрагимов (1978, 15) придерживается той же схемы, выделяя вместе с тем мюхрекский и ихрекский диалекты как самостоятельные единицы.

Цахурцы (14 тыс. чел. по переписи 1979 г.) населяют западную часть Рутульского р-на ДагАССР, а также отдельные села Закатальского и Кахского районов АзССР. Цахурская письменность, созданная в 30-х годах (см. Генко 1934), не получила в дальнейшем распространения. Первое исследование грамматики цахурского языка было осуществлено А.Дирром (1913). Ныне кавказоведение располагает рядом работ, посвященных различным вопросам структуры цахурского языка, из которых особого внимания заслуживают следующие диссертации: Е.Ф. Джейранишвили (1966а), содержащая сравнительное исследование фонетики и морфологии цахурского и рутульского языков, Б.Б. Талибова (1955) по глаголу, А.И. Курбанова (1966) по склонению, А.Г. Караева (1969) по фразеологии и монография Г.Х. Ибрагимова (1968) по фонетике цахурского языка.

В цахурском языке, по мнению Е.Ф. Джейранишвили (1966а, 7), четыре наречия: цахурское, мишлешское, микикское и гельмецское. Г.Х. Ибрагимов (1968, 59) выделяет три диалекта: цахурско-сувагильский, сабунчинский и гельмецкий.

Среди бесписьменных дагестанских языков одноаульный арчинский язык (с. Арчиб Чародинского р-на ДагАССР), на котором говорит менее 1000 чел. (Кибрик и др. 1977а, 5), является в настоящее время наиболее изученным, хотя до недавнего времени единственным источником по этому языку служила монография А. Дирра (1908). В 1967 г. было опубликовано исследование К.Ш. Микаилова. Работы О.И. Кахадзе (1958; 1962; 1964; 1967 и др.) были обобщены им в диссертации (1973; 1979). Вопросы склонения в арчинском языке рассматриваются в статьях С.М. Хайдакова (1965) и М.Е. Алексеева (1979). Итогом многолетней работы коллектива авторов МГУ явилось создание трехтомного труда по грамматике и лексике арчинского языка (Кибрик и др. 1977а), с которым тесно связан сборник арчинских текстов со словарями — арчинско-русским и русско-арчинским (Кибрик и др. 1977б).

На крызском языке говорит около 8000 чел. (Талибов 1980, 7), живущих в нескольких селах Кубинского, а в последнее время и некоторых других районов АзССР. Первые сведения о грамматическом строе крызского языка были опубликованы Р.М. Шаумяном (1940). В дальнейшем научное освещение получили вопросы склонения имен (Саадиев 1953; 1961б), глагольного словоизменения (Хидиров 1961 и др.) и лексики (Саадиев 1954; 1959). Наконец, полное исследование грамматического строя и лексики крызского языка было предпринято в диссертации Ш.М. Саадиева (1972). Крызский язык представлен четырьмя относительно слабо дифференцированными диалектами: собственно крызским, джекским, хапутлинским и алыкским.

В меньшей степени изученным является будухский язык, на котором говорит около 1000 жителей с. Будух Къубинского р-на АзССР: помимо статьи Р.М. Шаумяна (1940), можно назвать лишь несколько статей, посвященных отдельным фрагментам грамматики этого языка (Мейланова 1977; Панчвидзе 1953; 1974б). Определенное представление о структуре будухского языка дает также краткий очерк Ю.Д. Дешериева (1967).

Удинский язык представлен в основном в селах Нидж и Варташен АзССР. Число говорящих на этом языке достигает 5000 (Талибов 1980, 8). Первое исследование удинского языка было опубликовано А. Шифнером еще в 1863 г. В дальнейшем к изучению удинского языка обращались А. Дирр (1904), Д. Карбелашвили (1935), Б.К. Гигинейшвили (1959), Б.Б. Талибов (1974). Подробные грамматические очерки были созданы В.Н. Панчвидзе (1974а) и Е.Ф. Джейранишвили (1971), написавшими также ряд специальных статей (Панчвидзе 1904а; 1940б; 1942а; 1942б; 1943; 1944; Джейранишвили 1948; 1956). Лексика удинского языка была собрана в удинско-азербайджанско-русском словаре В.Л. Гукасяна (1974). Обычно различают два диалекта удинского языка — варташенский и ниджский. Описанию фонетических и морфологических особенностей последнего посвящена диссертация В.Л. Гукасяна (1966).

Следует отметить, что так называемый агванский язык, представленный не дешифрованными пока немногочисленными эпиграфическими памятниками, согласно наиболее распространенному в кавказоведении мнению отражает раннее состояние удинского языка (см.: Абрамян 1964; Абуладзе 1938; Гукасян 1974; Климов 1972б; Шанидзе 1960).

На хиналугском языке говорит около 2000 жителей с. Хиналуг Кубинского р-на АзССР. Среди работ, посвященных этому языку, следует назвать грамматические очерки Ю.Д. Дешериева (1950) и коллектива авторов МГУ (Кибрик и др. 1972), а также несколько специальных статей (Шаумян 1940; Дешериев 1974; Магомедов 1976).

Первые попытки сопоставления отдельных лексем и грамматических показателей различных лезгинских языков предпринимались уже в конце XIX — начале XX в. В частности, замечания сравнительно-исторического характера можно обнаружить в ряде работ А. Дирра: так, в очерке цахурского языка он приводит сравнительную таблицу провербов цахурского, рутульского, агульского и табасаранского языков (Дирр 1913, 5). Довольно интересны его рассуждения о месте в генеалогическом древе дагестанских языков арчинского (Дирр 1908, I—IV). Вместе с тем сравнительно-исторические штудии тех лет в целом не шли дальше простой констатации словарных и грамматических сходжений между лезгинскими языками: работа велась в основном в русле накопления материала. В этом отношении показателен сравнительный словарь А. Дирра (1907б, 156—167), содержащий более 150 лексем всех десяти языков, традиционно причисляемых к лезгинской группе, в котором отсутствуют какие-либо попытки дифференцировать генетически общие и просто совпадающие по значению лексемы. Естественно, что и классификация лезгинских языков в тот период

(см., например, Эркерт 1895) основывалась не на сравнительно-исторических, а на географических принципах.

Создание в XIX — начале XX в. описательных грамматик ряда дагестанских языков, хотя и во многих отношениях несовершенных (критика работ А. Дирра, в частности, стала общим местом в исследованиях по дагестанским языкам), подготовило почву для собственно сравнительно-исторических изысканий. Возникновение дагестанской (и соответственно лезгинской) компаративистики справедливо увязывают с именем Н.С. Трубецкого, давшего прекрасный образец сравнительно-исторического изучения языков, не имеющих сколько-нибудь длительной письменной традиции.

В статье, посвященной латеральным согласным (Трубецкой 1922), ученый предложил несколько формул звукосоответствий (приводим здесь рефлексы только лезгинских языков):

а) арч. *лъ* = цах. *хъ* = рут. *хъ* = агул. *хъ* = таб. *хъ/ш* = лезг. *хъ, й, ж* и (после *р?*) *џ* = крыз., буд.? = уд. *х* (**хъ* > *ф* в лезг., агул., таб., буд. и крыз.);

б) арч. *лъ/* = лезг. *к/л/к* = агул. *к̇* = таб. *к̇* (*ц̇*) = рут. *к/з* = цах. *к/к̇* (*к̇/л, зз*) = крыз., *к* = буд. *к* = уд. *к̇*;

в) арч. *л/* = лезг. *џ* = таб. *џ* и *ж* = агул. *й* = рут. *в* и *џ* = цах. *в, џ* и, возможно, *л* = крыз., *џ, й* = буд. *џ, й* = уд. *гъ* (пользуясь неправильными записями А. Дирра, Н.С. Трубецкой в некоторых случаях отмечал вместо *џ* *гъ*).

На основе этих сопоставлений Трубецкой реконструировал фонемы **хъ*, **х̇* (велярные спиранты), а также **лъ/* и **л/* (латеральные аффрикаты).

Значительное место занимает материал лезгинских языков и в других работах Трубецкого по дагестанской исторической фонетике (Трубецкой 1930; 1931). Менее заметен его вклад в разработку исторической морфологии дагестанских языков: здесь можно упомянуть лишь одну статью (Трубецкой 1929), в которой, в частности, предлагалась трактовка некоторых формантов глагольного спряжения в качестве исторических показателей причастий. Касаясь состояния сравнительно-исторических исследований дагестанских языков в 30-е годы, нельзя не упомянуть также работы Ж. Дюмезиля (1933; 1939), представляющие особую ценность наблюдениями в области исторической морфологии.

Дальнейшее развитие сравнительно-исторического изучения лезгинских языков (как и дагестанских в целом) связано с деятельностью по их более углубленному синхронному описанию, которая развернулась в полном объеме начиная с 50-х годов.

Разработка вопросов исторической фонетики лезгинских языков велась по нескольким направлениям. Непременный компонент любого сравнительно-исторического исследования — выявление генетически общего лексического фонда. При этом на первом этапе решающим в вопросе определения генетического родства оказывается критерий фонетического сходства. В собственно фонетических исследованиях его применение нельзя признать достаточным, поэтому в этой области компаративистики его удельный вес сравнительно невелик. Однако в работах по лексикологии его роль заметно возрастает: достаточно широко, например, этот критерий используется в словаре С.М. Хайдакова (1973), в котором выделяются фонетически близкие корневые

элементы в лексемах тождественной семантики и на основании этой близости предполагается генетическая общность сравниваемых лексем. В этом же аспекте рассматривалась особо лексика табасаранского (Загиров 1978), крызского (Саадиев 1959) и рутульского (Гаджиева 1966) языков. Поскольку в такого рода исследованиях обычно привлекается к сопоставлению новый лексический материал, они являются весьма полезным источником информации о лексических связях исследуемых языков (особо в этом отношении следует подчеркнуть исключительную полноту вышеупомянутого словаря С.М. Хайдакова). Вместе с тем ограниченность задачи усиливает в них вероятность ошибочных отождествлений: например, Э. Гаджиева (1966, 159) сопоставляет с рут. *хьъа*, таб. *хъъа* и лезг. *регъуь* 'вымя' арч. *хъвал* (то же), хотя фонетически арчинская форма никоим образом не может относиться к цитированным выше лексемам (скорее всего она является заимствованием из авар. *гъвари* или лак. *къвал*).

Задача установления фонетических соответствий между отдельными лезгинскими языками решалась в специальной литературе по-разному. В одних случаях использовалась методика "парного сопоставления", например лезгинского и крызского (Саадиев 1969) или арчинского и аварского (Микаилов 1968; 1972), в других за основу бралась фонетическая система одного из языков, фонемам которого находились соответствия в сопоставляемых языках. К работам последнего типа можно отнести, например, статьи И.И. Церцвадзе (1964), где устанавливается нулевое соответствие аварско-андийскому *лʌ* в удинском, А.А. Магомедова (1966), где прослеживаются рефлексy агульских фарингализованных согласных в других лезгинских языках, Б.Б. Талибова (1960а), определившего соответствия хиналугским *кʌ*, *кь*, *з* и *цʌ* в лезгинских языках.

Объяснение выявленных соответствий предполагает выведение определенного рода фонетических процессов, имевших место в истории различных лезгинских языков, как следующую ступень исследования. К важнейшим результатам работ, концентрировавших внимание на решении данной задачи, можно отнести следующие: а) определение закономерностей изменения лабиализованных согласных (Джейранишвили 1966б; 1974; Талибов 1972; Гюльмагомедов 1974 и др.); б) установление процессов оглушения звонких согласных в ряде языков (Талибов 1977); в) выявление случаев редукции согласных (Талибов 1976) и др.

Специфическим способом объяснения звукосоответствий является реконструкция соответствующей праязыковой фонетической системы. Существует несколько вариантов реконструкции фонемного инвентаря пралезгинского языка. По мнению Б.Б. Талибова (1980), в пралезгинском имелись следующие согласные: *р*, *л*, *м*, *н* (сонорные); *б*, *п*, *пʌ*, *д*, *т*, *тʌ*, *г*, *к*, *кʌ* (смычные); *дз*, *ц*, *цʌ*, *цʌ*, *дж*, *ч*, *чʌ*, *чʌ*, *кьг*, *хь*, *кь*, *кь*, *лʌ*, *лʌ* (аффрикаты); *з*, *с*, *ж*, *ш*, *гь*, *х*, *г*, *хь* (спиранты). Несколько иначе выглядит консонантная система в реконструкции Б.К. Гигинейшвили (1977, 151), рассматривавшего ее в свете исторических трансформаций общеджиганского консонантизма. Реконструкция гласных фонем пралезгинского языка была впервые предложена Е.А. Бокаревым (1965). По его мнению, она включала девять единиц: *а*, *аь*, *аʌ*, *е*, *и*, *уь*, *о*, *у*, *уʌ*. Нельзя не

отметить работы по восстановлению общедагестанской фонетики (Бокарев 1961; 1981; Лексика 1971), в значительной степени предопределяющие суждения о пралезгинском фонемном инвентаре.

В данной монографии принята реконструкция фонетики пралезгинского языка, предложенная С.А. Старостиным (1975а; 1975б). Основные звукосоответствия между лезгинскими языками с соответствующими пралезгинскими архетипами см. в табл. 1.

Поскольку принятая в данной монографии реконструкция во многом отличается от вышеупомянутых, следует сделать несколько замечаний об имеющихся различиях. Прежде всего, существующие реконструкции не включали постулярные согласные. В одной из них находим попытку реконструкции прадаг. **гъ* (Лексика 1971, 58). Б.К. Гигинейшвили (1977, 116, 124) обсуждает возможности восстановления общедагестанских *гI* и *гъ*, однако считает их существование в прадагестанском маловероятным. По мнению Б.Б. Талибова, постулярные *гI*, *х* и *гъ* "являются продуктом позднего развития и восходят к разным источникам; они могут быть рефlekсами в одних случаях увулярных, в других случаях — заднеязычных спирантов" (1980, 327). Не рассматривался в предшествующих исследованиях и вопрос о реконструкции **й*.

Во-вторых, в данной работе иначе интерпретируется соотношение звонких, глухих и абруптивов. Наблюдаемые в лезгинских языках соответствия "звонкий~преруптив" среди смычных и аффрикат и "звонкий~глухой" (по некоторым языкам сюда добавляется и сильный глухой) среди спирантов, интерпретируемые Б.Б. Талибовым (1977) как результат оглушения звонких, по нашему мнению, указывают на первичность преруптивов. Такой вывод можно сделать, с одной стороны, приняв во внимание наличие корреляции "сильный~слабый" среди абруптивных аффрикат, и, с другой стороны, учитывая специфические соответствия в местоименной и звукоподражательной лексике, отличные от соответствий геминированных: ср., например, **һаҡв* 'бок, сторона' (>лезг. *һагв*, *һақуни*), но **бугъбугъ* 'овод, слепень' (>лезг. *бугъ-убугъ*). Не может быть принята и реконструкция прадагестанских звонких, предложенная Б.К. Гигинейшвили (1977, 74 и след.), поскольку она не учитывает возможности соответствия *в*~*б* также и в конце слова (ср. **сыва* 'гора', **сыв* 'рот', **кылив* 'бутень'). Естественнее также предполагать, что в пралезгинском имелись латеральные, а не заднеязычные спиранты (Талибов 1980, 320—324), поскольку в последнем случае и латеральный, и заднеязычный ряды оказываются дефектными (в первом только аффрикаты, во втором — спиранты и смычные).

Что же касается реконструкции вокализма, то предложенная Е.А. Бокаревым (1965) система пралезгинских гласных имела предварительный характер и, естественно, в ней не могло найти отражение все многообразие звуковых изменений, имевших место в истории лезгинских языков.

Из работ по сравнительно-исторической морфологии лезгинских языков прежде всего следует назвать статью Е.А. Бокарева (1960а), посвященную реконструкции пралезгинской падежной системы, в которой были восстановлены дательный падеж (*-*с/-з*), родительный

Таблица 1 (окончание)

ПЛ	Л	Т	А	Р	Ц	Ар	К	Б	У
*с	с	с	с	с	с	с	с	с	с
*св	с	шв	с(в)	с	с	?	с	с	-шгь-
*с̄	с/з	с/с̄/з	с/с̄	с	с, -с̄-	с̄, -с	с	с, -з	ш-, -с-, -с/-ц
*с̄в	с(в)/з(в)/ж(в)	шв/жв	с/с̄	с(в)-, с	с-	с̄, -с	с	с-	ш-/шгь-
*з	з	з	з	з	з	з	з	з	з
*ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	с̄
*шв	ш-	шв	-ш-	ш(в)	ш	ш(в)-, -ш	ш	ш	-шгь-
*ж	ж	ж	?	дж	дж	ж	дж	?	з
*жв	зв	?	?	дж	дж	жв	?	?	жгь
*лъ	хь	хь/ш	хь	хь	хь	лъ	хь/ш	хь/ш	х
*л̄	г/й/ж	хь/х̄/ш/ш̄	хь/х̄/ш̄	хь	хь, -х̄-	л̄, -л̄	хь	хь	х
*л̄в	ф/хьв-	ф/хь	ф	хьв/ф	хь(в)	л̄(в)	ф(-хь)	ф/хь	?
*л̄в	ф/в/ж	ф/ф	ф/ф̄	хьв/ф	хь-, -х̄в-	л̄(в), -л̄в	ф/хь(в)	ф/хь	хь-
*х	х	х	х	х	х	х	х	х	с̄
*хв	х(в)	х(в)	х(в)	х	х(в)	х(в)	х	х	х-
*х̄	х/гь	х/х̄/гь	х/х̄/гь	х	х, -х̄-	х̄, -х(в)	х	-х-	х/хь
*х̄в	хв/гь(в)	х(в)/х̄(в)/гь(в)	х(в)/х̄(в)/гь(в)	х	хв-	х̄в, -х(в)	хв-	х-, -гь	х
*гь	гь	гь	гь	гь	гь	гь/гь	гь	гь	гь
*гьв	?	гь(в)	?	гь(в)	?	гь/гь	гь	гь	-с̄
*хI	х	хI	х̄/хI/х'	хI	хI	хI	х/х'	х/х'	с̄
*хIв	-х(в)	-хI	х̄/хI/х'	-хI(в)	-хI	-хI	-х	-х	?
*хI	х/гь	хI/х̄I/гьI	х̄/хI/гI	хI	хI, -х̄I-	х̄I, -хI	х'	х'/гI	х(I)
*хIв	хв/гьв	х̄I/гьI	х/хIв/гI	хI(в)	хI-, -х̄I-	х̄I(в), -хIв	х'	(х')/гI	х(I)
*гьI	гь	гьI	гьI	гьI	?	гьI	?	?	?
*'	'-/й-, -'/-ф	'/(й-)	'-/й-, -'/-ъ	'-, -ф	'-, -ф	'-, -ф	'/й-, -гI	'-/й-, -', -гI	'-, -ф
*'в	в-/', -'	,	,	,	,	гь	гI	гI	п
*'I	й-/', -кь/-'	'-	'-/й-	,	,	й	,	,	'-
*'Iв	в-, -гь-	'-	'-/й-	,	'-, -гь-	й-/в-	х'-, -гь-	в-	'-

*гь	гь	гь	гь-, -гь/-х'	гь(/й-)	гь, -й(/й-)	гь, -й	гь-, гI(/'-)	гь-, гI	гь-
*гьI	й-/гь-/'	'	'-/гI-, -гI/-ъ/-'	-'	гь-/', -гьI	'-/гь-, -й	гI-	гь-/'-?	'-, -ф
*ъ	'	'I/	гI/ъ/	й-, -фI	-ф	'I/', -й	гI-/й-, -гI	?	'-, -ф
*ъв	в-/'	?	гI/ъ/	I	I	-гьI-	?	?	?
*х'	гь/	гьI/гь	х'/гь	'-/й-, -ф	й-/'	'I-, -фI	гI-/й-, -гI	й-, -х'	I
*м	м	м	м	м	м	м/б	м	м	м
*м̄	-м̄-/б	б/в	б/в	б	м	м	б	б	м
*в	в	в	в	в	в	б	в	в	б-, -в
*у	в/ф	в/й	в/ф/й	в/й/ф	в/й/ф	в/ф	в/й	в/й	в/ф
*н	н	н	н	н	н	н/д	н	н	н
*н̄	-н̄-/д̄-, -д	д/й/дж	д/р	д	н	н	д/дж	д/дж	н
*р	р	р	р	р	р/й/в/ф	д-, р	р	р	ф/й/р
*й	й/ф	й, -й/-ф	й-/ф-, -й-, -й/-ф	й, -й/-ф	й-, -ф	ф	й-, -ф	й-, -ф	ф, -й-?
*л	л	л	л	л	л/л/в	л	л	л	л(-ф-)
*л̄	л	л	л	л	л/л/в	-л̄-, -л̄	л	л	л
*и	и	и	и	и	и	и	и	и	и
*иI	и	е/и	и	и	ьI/е	и	е/и	и	?
*е	е	е/и	е/и	и	е	е/а/и	е	е	и
*еI	и	е	и	и	?	?	е	?	?
*аь	е	и	е/и	аь	е/а	а/е	аь/а/е	а/е	е/а
*аьI	е/и	аI/и	е/и/аI	аь	е	аI	е	е	е/а
*ьь	и	и	и	ьь	ьь/и	о	и	и	у
*ьь	и/е	(и)	?	?	?	оI	и	е	?
*у	у	у	у	у	у	у	у/ьь	у	у
*о	у/ы	у	у	ы	ь	о	ь	у/ьь	о/у
*оI	у/и	уI/у	уI/у	ыI/и	ыI	оI/о	(и)	ьь	у
*а	а	а	а	а	а	а/о	аь/а/е	а/е	а
*аI	а/е	а/аI/е	аь/аI/е	аь/а	аI/а	аI/а	е/а, аь	е/а	(а)

падеж (*-н), эргативный падеж, представлявший собой косвенную основу, именительный падеж, равный прямой основе, местные падежи со значениями 'позади чего-л.' (*-хь / -х), 'под чем-л.' (*-ль), 'на поверхности чего-л.' (*-л), 'внутри чего-л.' (*-а / -аб), 'около чего-л.'. В последующих работах некоторые выводы Е.А. Бокарева были уточнены: в частности, было установлено, что пралезгинский местный падеж со значением 'внутри' имел показатель *-' (Ханмагомедов 1958в, 20; Топуриа 1967, 207).

Специально рассматривались вопросы происхождения отдельных падежей: Б.Г.-К. Ханмагомедов (1958а; 1958г), основываясь на материале лезгинского, табасаранского и агульского языков, высказал предположение о том, что исходным показателем эргатива (т.е. косвенной основы) являлся гласный -и-; В.Н. Панчвидзе (1940а) проследил формирование в удинском языке аккузатива на базе одного из локативных падежей.

Различные показатели мн. числа имен, наблюдаемые в современных лезгинских языках, как полагает Г.В. Топуриа (1973, 261—262), восходят к общелезгинским классным показателям *-б- и *-д-. Исконным формантом мн. числа, по его мнению, является лишь сохранившийся в удинском языке показатель -х. С другой стороны, были обнаружены некоторые факты, позволяющие предполагать для общелезгинского состояния противопоставление ограниченного и неограниченного мн. числа (Ибрагимов 1974а).

Пралезгинская система личных местоимений характеризовалась оппозицией инклюзивной и эксклюзивной форм мн. числа (см., например, Магомедов 1963), хотя эта точка зрения и оспаривается Г.В. Топуриа (1969), считающим эту оппозицию результатом морфологизации фонетических процессов. В специально проведенном исследовании данного вопроса на материале дагестанских языков в целом (Гулыга 1979) высказывается предположение о наличии в общедагестанском (и пралезгинском) также двух форм местоимений мн. числа 2-го лица: нейтрального (*-ви-хъаьн) и ограниченного (*-джваь-н). Там же реконструируется парадигма личных местоимений. Вопросительные местоимения лезгинских языков составляют предмет исследования Е.Ф. Джейранишвили (1955), установившего сложное строение их основы в некоторых языках: в частности, им выделяется элемент *гъа- / гъи-*, выражающий указание или категоричность.

Достаточно отчетливо выраженная тенденция к утрате категории класса некоторыми лезгинскими языками стимулировала написание ряда специальных статей, посвященных выявлению реликтов этой категории в языках, ее утративших. При этом особое внимание было обращено на выделение в составе именных основ окаменелых классных показателей (см.: Шаумян 1936; Джейранишвили 1956; Гаджиев 1958; Магомедов 1962; Мейланова 1962; 1964а; Алипулатов 1974). Как отмечалось в специальной литературе (Талибов 1969, 83), об окаменелых классных показателях в составе имен можно говорить лишь допуская их отглагольное происхождение.

Глагольная морфология лезгинских языков до настоящего времени не была предметом специального исследования с исторической

точки зрения, хотя и нельзя не отметить нескольких статей, посвященных выявлению в некоторых языках окаменелых формантов некогда продуктивных категорий (Талибов 1958; 1960б; 1969; Джейранишвили 1956), а также целую серию статей В.С. Хидирова (1974; 1976), в которых проводится историко-типологический анализ некоторых глагольных категорий лезгинских языков. В сравнительно-историческом аспекте рассматривалось образование запретительного наклонения в лезгинских языках (Топуриа 1972). Г.В. Топуриа (1979) принадлежит статья об истории вспомогательного глагола *быть* в лезгинском языке.

История синтаксических явлений лезгинских языков (и дагестанских в целом) пока является белым пятном в дагестанской компаративистике. Что же касается исторического изучения общелезгинской лексики, то прежде всего следует отметить значительный фактический материал, накопленный в результате как сугубо лексических, так и фонетических исследований и касающийся общелезгинского лексического фонда. Помимо упоминавшихся работ здесь можно назвать коллективный труд дагестанских языковедов (Лексика 1971), опирающийся и на достаточно широкий материал лезгинских языков. Нельзя не отметить ряд работ, посвященных отдельным лексическим сходжениям как внутри лезгинской группы, так и за ее пределами (Шаумян 1935; Джейранишвили 1958; Климов 1970; 1971а; Топуриа 1976; Виноградова, Климов 1979; и др.). Определенный свет на историю лексики (впрочем, и морфологии) лезгинских языков проливают исследования по топонимике: Абдуллаев 1976а; Гайдаров 1963; Джейранишвили 1962; Ибрагимов 1972б; Ибрагимов 1976а; Хайдаков 1969.

"Одну из наиболее сложных задач сравнительно-генетического исследования составляет определение степени взаимной близости отдельных представителей родственных языковых групп и установление соответствующей историко-генетической классификации" (Климов 1971б, 81). Естественно, данная проблема занимала уже первых исследователей кавказских языков, хотя, как отмечалось выше, ранние классификации во многом строились на географических принципах. Несмотря на то что многие кавказоведы в той или иной степени затрагивали данный вопрос (в частности, предлагали свой вариант генетической классификации), специально он не рассматривался: можно назвать лишь работы, посвященные генетическому статусу хиналугского (Талибов 1960а) и арчинского (Кахадзе 1973), а также основывающуюся на фонетических признаках классификацию Б.К. Гигинейшвили (1977, 151—160). Неразработанность данного вопроса порождает иногда полярные точки зрения: например, с распространенным среди специалистов мнением об удаленности удинского языка от других лезгинских резко расходится следующее высказывание Е.Ф. Джейранишвили (1966а, 7): "При этом, возможно даже выделить в отдельную микрогруппу цахский, мухадский и удийский языки, как самые близкие из группы лезгинских языков".

Остановимся на данном вопросе более подробно. Видимо, небезынтересными оказываются данные лексикостатистики, основывающиеся

на сопоставлении 100 следующих лексем¹ (родственные лексемы разделяются тире, неродственные — точкой с запятой, специально отмечаются заимствования, отделенные друг от друга запятой):

Я: Л зун — Т узу — А зун — Р зы — Ар зон — К зын — Б зын — Х зы — Ав дун; Лк на;

ТЫ: Л вун — Т вуу — А вун — Р вы — Ц ву — Ар ун — К вын — Б вын — У ун — Х вы — Ав мун; Лк ина;

МЫ: Л чун — Т учу — А чин — Ц ши — К жин — Ав ниж — Лк жу; Р йе — Б йин — У йан — Х йир; Ар нен;

ЭТОТ: Л и — Ар йат — Ав гьеб; Т му — А ме — Р ми — Ц ман — У ме; К ли; Б ад; Х ду; Лк ва;

ТОТ: Л ам — К аьм; Т думу — А те — Р тин — Ар тот — У те — Ав доб — Лк та; Ц шен; Б уд; Х гьу;

КТО: Л вуж — Т фуж — А фиш — Р выш — Ц гышу — У шу — Ав щив; Ар кви — Х кла; К ти — Б ту; Лк цу;

ЧТО: Л вуч — Р шив — Ц гьиджо — К ши — Б ши; Т фу — А фи; Ар гьан — У ека; Х йа; Ав щиб; Лк ци;

НЕ(Т): Л туш — Т дар — А да — Р диш — Ц деш — Ар -тлу — К дар — Б дар — У те; Х -и; Ав гьечло; Лк бакьар;

ВСЕ: Л вири — Т вари — А вари — К вари; Р сийена; Ц гьыргы; Ар марчи; Ав тлолго; Лк щалла; Б питин, У битов, Х битин (заимств.);

МНОГО: Ц гед — У геле (?); Ар нăкъукъан; Б лăхъки; Х ихер; Ав глемер; Лк члявусса; Л гзаф, Т гизаф, А ппара, Р бала, К пара (заимств.);

ОДИН: Л са — Т са — А сад — Р са — Ц са — Ар ос — К саьд — Б сад — У са — Х са — Ав цо — Лк ца;

ДВА: Л кьвед — Т кьлу — А глад — Р кьлад — Ц кьлор — Ар кьве — К кьвад — Б кьвад — У пал — Х кьлу — Ав кьлго — Лк кьва;

БОЛЬШОЙ: Л члехи — Х чхи (<Л); Т ахлу — А х'аф — Ц хлерна — Лк хьунмасса; Б боглау — К бу; Р кьухьды; Ар долз; У кала; Ав кьлудияб;

ДЛИННЫЙ: Л йаргьи — Т йархи — А ирхеф — К глахтаб — Б гланху — Х вихаь — У бохо(й) — Ав халатаб; Р хьлаахиды — Ц хылина — Ар лăха — Лк лахьисса;

МАЛЕНЬКИЙ: Л гьвечли; Т бицли — А бицлиф; Р кьы'ды — Ц кьылин — Б кьлибе — Лк чливисса; Ар тли — Ав гьитлинаб; К силаьд; У кьйи; Х миси;

ЖЕНЩИНА: Л паб; Т хпишив — К хыныб — Х хинимкьир; А хьир — Лк щарсса; Р хьыдылды — Ц хьунаше — Ар лъоннол; Б гьедж; У чубух; Ав чьужу;

МУЖЧИНА: Л ит'им, Ц адми, Лк адимина (заимств.); Т жилир — Р вы'ылды — Х лыгылд; А шуй — Ар бошор — К фири — Б фури — У ишу — Лк чув; Ав бихьинчи;

ЧЕЛОВЕК: Л кас, Т кас, А идеми, Р аьдаьми, Ц инсан, Ар адам, К адми, Б едми, У адамар, Х х'аьдми, Ав гладан, Лк инсан (заимств.);

РЫБА: Л гьед; А члек; Ар хлабхли; У чаьли; Ав чугла — Лк чавахь; Т балугь, Р балугь, Ц балугь, К балыгь, Б балыгь, Х балыгь (заимств.);

¹Аналогичные подсчеты производились Е.А. Бокаревым (1961, 17—18) и Б.К. Гигиней-швили (1977, 25), но, к сожалению, материалы, на которых основывались эти подсчеты, остались неопубликованными.

ПТИЦА: Л нукI — Ар ноцI — Ав хинчI; Т жакъв — А джакъв; Р шурук; Ц шитI; К чIульуьрт — Б чIилитI; У човал; Х цIимир; Лк лелухх; шурок; Ц шитI; К чIульуьрт — Б чIилитI; У човал; Х цIимир; Лк лелухх;

СОБАКА: Л кичI; Т хуй — А гъуй — Ц хва — К хвар — Б хор — У хIа — Х пхра — Ав гъой; Ар гвачи — Лк ккаччи; Р тыла (заимств.);

ВОШЬ: Л нет — Т ниц — А нетI — Ар нацI — У нец — Х нимцI — Ав нацI — Лк нацI; Р лихъ — Ц вихъ — К лиш — Б лиш;

ДЕРЕВО: Л тар — К дар — Б дар; Т гъар; А кIур; Р хук; Ц йыв; Ар хъватIи (< Ав?), Ав гъветI; У ход; Х вишаь; Лк мурхъ;

СЕМЯ: Ар лъвин — Ав гъон — Лк гъанна; У цял (заимств.), Л тум, Т тум, А тум, Р тухум, Ц тухум, К тум, Б тум, Х тум (заимств.);

ЛИСТ: Л пеш — А паж — К беш; Т кIаж — Ар кIачIи; Р кьурукъ; Ц тIеле; У хазал; Ав тIамах — Лк чIанIи; Б йарнагъ, Х йарнагъ (заимств.);

КОРЕНЬ: Л дувл; Т чив — Ав кьибил; А маргI; Р гъваб; Ц уьзаьк; Ар мархIу (< Лк), Лк мархха; К кук, Б кук, У тум, Х кок (заимств.);

КОРА: Л чIал — Р джугал; Т гIал — У хIол; А кьарк; Ар пахъут; Ав хъал; Лк ккири; Ц кьабых, К кьабых, Б кьабугъ, Х кьобугъ (заимств.);

КОЖА: Л хам — Т хам — А хам; Р кьыдыкъ; Ц кьеква; Ар хъал; К легI; Б гIич; У тIол; Х тIаьси; Ав тIом; Лк бурчу;

МЯСО: Л йак — Т йик — А йак — Р йак — Ар альI — К йек — Б йек — У екъ — Х лIыка — Лк дикI; Цх чуру; Ав гъан;

КРОВЬ: Л иви — Т ифи; А игI — Лк оьтту; Р ебир — Ц еб — Ар би — У пи — Х пIи — Ав би; К ираьдж — Б ирд;

КОСТЬ: Л кIараб — Т кIураб — Р кьырыб — К кIаьраьпI — Б кIерепI; А ирк — У укIейн — Х инкI — Ав раька — Лк ттаркI; Ц баркIв; Ар леки;

ЖИР: Л пи — У пи; Т хIул; А мав — Р ма' — Ц ма' — Ар май — К маь' — Б ма' — Х ми — Лк май; Ав нах;

ЯЙЦО: Л кIака — Лк ккунук — Ар генук (< Лк); А гъурагъал — Р гъылыгъ — У хъохъла; К кусунтI — Б кусхъуд; Т мурта (заимств.); Ц кьукъ; Х кIаз; Ав хоно;

ГОЛОВА: Л кьил — Т кIул — А кIил — Р кьул — Ц вукIул — К кьыл — Б кьыл — У бул — Х микIур — Ав бетIер — Лк бакI; Ар картIи;

РОГ: Л карч — Т кIарч — А кIарч — Р кач — Ц гач — К каьч — Б кэрч; Ар бат; У мухъIа; Х ваьч; Ав лъар; Лк хъи;

ХВОСТ: Л тум; Т рижв — А рудж — Р джибыр — Ар оIч — К джи — Б джибир — У ожил — Ав рачI; Ц билт; Х кьаж; Лк магъ;

ПЕРО: Л цIакул — Т зикъ; А муьцI; Р махъIак; Ц вусун; Ар цал — У цIил; Ав милъир; Лк тIиму; К кок; Б писи; Х лаьлаьг (заимств.);

ВОЛОС: Л чIар — Т чIар — А чIар — Р чIар — Ц чIалр — Ар чIалри — К чIер — Б чIер — Х чIар — Лк чIара; У поп; Ав рас;

УХО: Л йаб — Т иб — А ибур — Р убур — Ар ой — К ибыр — Бибир — У и.мук — Ав гIин; Ц кIыры; Х тIон; Лк вичIи;

ГЛАЗ: Л вил — Т ул — А ул — Р ул — Ц уд — Ар лур — К гIуьл — Б гIуьл — У пул — Х пил — Ав бер — Лк йа;

НОС: Л нер; Т хъIухъI — А хъIахъIв; Р хьехъ; Ц хъов; Ар муч; К ми'ел — Б ме'ел — Ав мегIер — Лк май; У мохIмохI; Х кIытыр;

РОТ: Л сив — Т ушв — А сив — Ар соб — К сив — Б сив; Р гIал — Ц гIал; У жIомох; Х агъзы (заимств.); Ав кIал; Лк кьацI;

ЗУБ: Т *слиб* — А *силеб* — Р *сылаб* — Ц *сили* — Ар *сот* — К *сил* — Б *сил* — У *улух* — Х *цулоз* — Ав *ца*; Л *сас*; Лк *ккарччи*;

ЯЗЫК: Л *мез* — Т *мелз* — А *мез* — Р *миз* — Ц *миз* — Ар *мац* — К *мез* — Б *мез* — У *муз* — Х *мицI* — Ав *мацI* — Лк *маз*;

НОГОТЬ: Л *кек* — А *кирк*; Т *шиб* — Р *хьеб* — Ц *хьубана* — У *мухь* — Ав *малъ* — Лк *михь*; Ар *лъIонтIол*; К *мичIек*; Х *чими*; Б *дырнагъ* (заимств.);

НОГА: Л *кIвач*; Т *лик* — А *лакь*; Р *гыл* — Ц *къл* — К *кыл* — Б *кыл*; Ар *ахь*; У *тур*; Х *анк* — Лк *чан*; Ав *xIemle*;

КОЛЕНО: Л *мет*; Т *къамкъ* — А *къакъ* — Р *къвакъ*; Ц *къараца*; Ар *поImп* — К *нип* — Б *неп*; У *kalkaln*; Х *ник* — Ав *наку* — Лк *ник*;

РУКА: Л *гыл* — Т *хил* — А *гыл* — Р *хыл* — Ц *хыл* — Ар *хол*; К *хаьб* — Б *хаб*; У *кул* — Х *кул* — Ав *квер* — Лк *ка*;

ЖИВОТ: Л *руфун* — Т *фун* — А *фун* — Р *ухьун* — Ц *вухьун* — К *фаьн*; Ар *лаги*; Б *тәпән*; У *букьун*; Х *шахь* — Ав *чехь*; Лк *лякьа*;

ШЕЯ: Ар *оIч-леки*; У *озан*; Ав *габур*; Лк *ссурссу*; Л, Т, А, Р, Ц, Х *гардан*, К *гаьрдан*, Б *гәрдән* (заимств.);

ГРУДЬ: Л *хур* — Т *м* — Р — А *мухур* — Р *мыхыр* — К *махар* — Б *махар* — Х *махар* (<К); А, *хатум*; У *ахьI*; Ав *керен*; Лк *хьазам*; Ц *кок-си* (заимств.);

СЕРДЦЕ: Л *рикI* — Т *йукI* — А *йуркI* — Р *йикI* — Ц *йикI* — Ар *икIв* — К *йикI* — Б *йикI* — У *ук* — Х *унг* — Ав *ракI* — Лк *дакI*;

ПЕЧЕНЬ: Л *лекъ* — Т *ликI* — А *лекI* — Р *лакь* — Ц *кIыл*, *кIам* — Ар *диликI* — К (*лакь'аь*) *лакь'каьм* — Б (*лагIа*) *лекъ* — Ав *тIул* — Лк *ттиликI*; У *зизам*; Х (*мичIаь*) *бийар* (заимств.);

ПИТЬ: Л *хьун*; Т *ухуб* — А *ухас*; Р *рагьIас* — Ц *идогьас* — К *кьыридж* — Б *согьуру* — У *угьIсун* — Ав *гьекьезе*; Ар *цIабус*; Х *цув*; Лк *xIачIан*;

ЕСТЬ: Л *тIуьн* — Т *инфуб* — А *гIуьтIас* — Р *илес* — К *гIуьлидж* — Б *соьулу*; Ар *куммус* — У *укес* — Ав *кваназе* — Лк *букан*; Ц *охьанас*; Х *кьыни*;

КУСАТЬ: Л *кIасун* — К *кIысаьдж* — Б *кIусу* — У *kashIнсун*; Т *гьанцI апIуб* — А *кьацIикас* — Лк *кьацIа тIун*; Р *сыс ва'ас*; Ц *ацIакIванас*; Ар *екьас*; Х *кIакIакви*; Ав *xIанчIизе*;

ВИДЕТЬ: Л *акун* — А *агвас* — Р *гьагвас* — Ар *акус* — У *аксун*; Т *ракьIуб* — К *ирхьаьдж* — Б *ирхьи* — Х *загьи*; Ц *кьаджес*; Ав *бихьизе*; Лк *чIалан*;

СЛЫШАТЬ: Л *ван хьун* — А *ун хьас*; Т *йерхьуб* — Ц *кьавхьес* — К *ихьаьдж* — Б *ихьи*; Р *ун аьчIвас*; Ар *кос* — Х *ки*; У *ибаксун*; Ав *рагIизе*; Лк *баян*;

ЗНАТЬ: Л *чир хьун*; Т *агьIу* — А *ах'а*; Р *гьацIас* — Ц *ацIас* — К *аьцIаьридж* — Б *гьацIар*; Ар *сини*; У *аба баксун*; Х *мухьви* — Ав *льазе*; Лк *кIул хьун*;

СПАТЬ: Л *ксун*; Т *ахуб* — Р *сахас* — Ар *ахукес* — К *аьхридж* — Б *архар* — У *ней+ахесун*; А *гьархьас* — Ц *кьалихьас*; Х *аьчуви*; Ав *кьижизе*; Лк *шанан*;

УМЕРЕТЬ: Л *кьин* — Т *йикIуб* — А *кIес* — Р *йикьес* Ц *хьикIас* — Ар *кIис* — К *кьаьйидж* — Б *саркьар* — У *биес* — Х *кIи* — Лк *ивчIан*; Ав *хвезе*;

УБИТЬ: Л кын — Т ийклуб — А клес — Р йикъес — Ц гиклас — К кыйидж — У бесбусун Лк ивчлан; Ар ачас; Б оротлу; Ав члвазе; Х йиби;

ПЛАВАТЬ: Ар лъан ас — Р хъед гъа'ас — Ав лъедезе; Л сирная авун; Т уьзмиш хъуб, А салав акъас, Ц йуьзмуьш хъес, К уьзмиш хыйидж, Б уьзми йихъар, Х уьзмуьшкы (заимств.);

ЛЕТАТЬ: Л лув гун; Т тлурхуб — Ц алихас; — Лк лехлан; А гъишас; Р лейшас; К къаркъунидж; У пур песун; Ав боржине; Х учмушкы (заимств.);

ИДТИ: Л фин — К ихидж; Т гълуб — А гълвас — Ц окълас — Ар гьерхъас; Р ру'ус — Ав ине — Лк нан; Б чагъар; У тайес; Х кагъи;

ПРИХОДИТЬ: Л атун; Т гълуб; А адис — Ц хълес — Ар алис; Р й-ыкълас — У е(й)сун; К глухидж; Б глашхар; Х кагъи; Ав вачлине; Лк бучлан;

ЛЕЖАТЬ: Л къаткун — Р лукас; Т дахъуб — А ахъу хъас — Ар ахас; К сукълидж — Б глалкъал; Ц къалихъас; У баскес; Х антыркы; Ав вегизе; Лк утту ихлан;

СИДЕТЬ: Л ацукъун — А 'икъвас — Р сукълас — Ар окълис — К авскъунидж — Б алкъол — Лк щя биклан; Т дусуб — У арцесун; Ц з у'арас; Х цуви; Ав глодочлезе;

СТОЯТЬ: Л акъвазук — А гъузана — Р лузвас — Ц ул,озарас — Ар оцис — Лк бацлан; Т дийигъуб; К къватлидж — Б къалтлал; У чурпесун; Х тохуни; Ав члезе;

ДАВАТЬ: Л гун — Т тувуб — А ис — Р выс — Ц гылес — Ар лос — К вуйидж — Х лавклви — Ав къезе — Лк буллан; Б йуцлу; У тадес;

СКАЗАТЬ: Л лугъун — Т пуб — А пас — Ц игъес — Ар бос — К лыпидж — Б йу'у — У песун — Х ли — Ав абизе; Лк учин; Р гухъус;

СОЛНЦЕ: Л рагъ — Т ригъ — А рагъ — Р вирыгъ — Ц вирыгъ — Ар бархъ — К вирагъ — Б вирагъ — У бегъл — Х ынкъ — Ав бакъ — Лк баргъ;

ЛУНА: Л варз — Т ваз — А ваз — Р ваз — Ц ваз — Ар бац — К ваъз — Б ваз — Х вацл — Ав моцл — Лк барз; У хаи;

ЗВЕЗДА: Л гъед — Т хлад — А глад — Р хладий — Ц хлане — Ар хлолошхълан — К х'авчл — Б х'ачл; У мучули; Х пхъунцл; Ав цлва; Лк цлуку;

ВОДА: Л йад — Т шид — А хъед — Р хъед — Ц хъ,ан — Ар лъан — К хъавд — Б хъад — У хе — Х хъу — Ав лым — Лк щин;

ДОЖДЬ: Л къвал — А угъал — Р гъугъал — Ц йогъви — У агъала — Х къула (?); Т мархъ — Б мэф; Ар хлел; К члебидж; Ав цлад; Лк гъарал;

КАМЕНЬ: Л къван — Т гъван — А гъван; Р духул; Ар челе; К худ, У жел; Х клачлын; Ав гамачл; Лк чару; Ц къайе, Б къайе (заимств.);

ПЕСОК: Р сецл; У ша; Ав сали; Л, А, К, Ц, Х къум, Ар, Б хъум, Т гъум, Лк къун (заимств.);

ЗЕМЛЯ: Л чил — Т жил — А джил — У очал; Р накъв — Ар накъв — Б нокъ; Ц члийе; К къум; Х ант; Ав ракъ; Лк аьрци;

ОБЛАКО: Л циф — Т диф — А диф — Ар дильв — К джиф — Б джуф — Лк ттурлу; Р гыбыл; У гъасо; Х ункл — Ав накл; Ц булут (заимств.);

ДЫМ: Л гум — Т кум — А кум — Р хъум — Ц кума — К фирми — Б хым — Х хыми (<К, Б); Ар гьукъ; У кун — Ав клуй; Лк пурклу;

ОГОНЬ: Л цлай — Т цла — А цла — Р цлай — Ц цла — Ар оцл — К цлаб — Б цла — У арух — Х члаб — Ав цла — Лк цлу;

ЗОЛА: Л *руьхъ* — Т *рукъІ* — А *рукъІ* — Р *рыхъІ* — Ц *йыхъІ* — Ар *дикъІ* — К *рахъ* — Б *рехъ* — У *икъ*; Х *закъІ*; Ав *рахъ*; Лк *лах*;

ГОРЕТЬ: Л *кун* — Т *убгуб* — А *угас* — Ар *окас* — К *угадж* — Б *сугу* — У *боксун*; Р *урхъас* — Ц *гохъанас*; Х *йуви*; Ав *реклине*; Лк *ччучлан*;

ДОРОГА: Л *рехъ* — Т *ракъІ* — А *рекъ* — Р *рахъІ* — Ц *йахъІ* — Ар *декъІ* — У *йакъ*; К *рих* — Б *рих* — Ав *нух* — Лк *ххулла*; Х *клар*;

ГОРА: А *су* — Ц *сыва* — У *бурух*; Р *бан*; Ар *мул* — Ав *меглер*; Х *м(ы)да*; Лк *зунтту*; Л, Т, К, Б *дагъ* (заимств.);

КРАСНЫЙ: Л *йару* — Т *уьру* — А *иреф* — Р *ирды* — К *ири* — Ав *баглараб*; Ц *члеран*; Ар *йалтлан* (<Лк) — Лк *ятлюсса*; У *йойа*; Х *й(ы)ма*; Б *ал* (заимств.);

ЗЕЛЕНый: Л *кьайу*; Т *чру* — А *чире* — Ав *гтурчинаб*; Р *шилды* — Ц *чилван* — Лк *щюллисса*; Ар *олловтут*; К *члукну*; Б *созыгула*; Х *сыб*; У *йавшил* (заимств.);

ЖЕЛТЫЙ: Л *кьйи* — Р *кьйбды* — Ц *кьйбына*; Т *гьатху* — А *хьлукхьлеф* — Ар *хахатут* — Лк *хьахьисса*; К *цларри*; Б *члору*; У *нелшум*; Х *клушклула*; Ав *тлогылаб*;

БЕЛЫЙ: Л *лацу* — Т *лизу* — К *лаьзу* — Б *лазу*; А *джагварф* — Р *джагварды* — Ц *джагваран*; Ар *чулбалтут*; У *майци*; Х *хьырыци*; Ав *хьахлаб*; Лк *кяласса*;

ЧЕРНЫЙ: Л *чулав* — Ав *чеглераб*; Т *клару* — А *кларе* — Ц *кларна*; Р *лхлды* — Ар *бехлетут* — К *лаьх'аь* — Б *лагла* — Лк *лукхисса*; У *майин* — Х *мицлав*;

НОЧЬ: Л *йиф* — Т *йиш* — А *гьуш* — Р *выш* — Ар *иш* — К *йиф* — Б *йудженджидж* — У *уьше*; Ц *хлам*; Х *сан*; Ав *сордо*; Лк *хьхь*;

ГОРЯЧИЙ: Л *кудай*; Т *ириру*; А *куьчеф*; Р *биклерды*; Ц *пыран*; Ар *льелртут* (<Лк) — К *зыр* — У *бегьарих* — Лк *клирисса*; Б *фейи* — Х *фара*; Ав *бухлараб*;

ХОЛОДНЫЙ: Л *мекь* — Р *мыкьды* — Ц *мыклана* — У *ми* ('холод'); Т *ахьлу* — Ар *хлетут* — Б *латха* — Х *хьи* (?) — Лк *дяркьусса*; А *ругьуф* — К *свагъа*; Ав *цлорораб*;

ПОЛНЫЙ: Л *ацлай* — Т *ацлу* — А *ацлуф* — Р *ацлыд* — Ц *гацлын* — Ар *ацлатут* — К *глатцлаьд* — Б *сэцлэ* — У *буй* — Х *цли* — Ав *цлураб* — Лк *бувцлусса*;

НОВЫЙ: Л *цлийи* — Т *цлийи* — А *цлайиф* — Р *цлинды* — Ц *цледын* — Ар *мацлатут* — К *цлийаь* — Ав *цлияб* — Лк *цлусса*; Б *тэза*, У *ини*, Х *таза* (заимств.);

ХОРОШИЙ: Л *хьсан* — Х *ксан* (<Л); Т *ужу* — А *иджеф*; Р *йихды* — Лк *ххуйсса*; Ц *йugna*; Ар *гьибатут*; К *гьалаьд*; Б *глари*; У *шел*; Ав *лыклаб*;

КРУГЛЫЙ: Л *елкьвей* — Р *ругьуд*; Т *гергми* — А *гиргьанф* — Ц *гылгылен* — Ар *гукь* — К *гургум* — Б *гунгуртлу* — У *канкорой* — Х *гонгвазлы* — Ав *гургинаб* — Лк *ккурккисса*;

СУХОЙ: Л *кьурай* — Т *кьуру* — А *рукьуф* — Р *кьуруд* — Ц *кьурна* — Ар *кьуре* — Б *кьуру* — У *кьари* — Х *кь* — Ав *бакьвараб* — Лк *кьавкьсса*; К *сав'аь*;

ИМЯ: Л *тлар* — Т *йвур* — А *тур* — Р *дур* — Ц *до* — Ар *цлор* — К *тыр* — Б *твр* — У *йи* — Х *цлу* — Ав *цлар* — Лк *цла*.

Таблица 2

	Т	А	Р	Ц	Ар	К	Б	У	Х	Ав	Лк
Л	50	53	46	38	38	47	40	33	22	27	25
Т	—	69	43	41	40	47	45	38	28	32	30
А		—	47	45	44	47	42	40	28	31	35
Р			—	50	38	41	42	36	24	28	29
Ц				—	34	38	36	33	24	26	28
Ар					—	36	37	34	24	31	31
К						—	63	32	25	28	28
Б							—	32	28	27	27
У								—	28	32	24
Х									—	27	24
Ав										—	30

Процент лексических совпадений, полученный при попарном сопоставлении (табл. 2), позволяет сделать следующие выводы: наиболее близкими друг к другу, как это и принято считать в специальной литературе, оказываются табасаранский и агульский языки и крызский и будухский. Более отдаленно родство лезгинского языка с агульским и табасаранским, а также рутульского с цахурским. Все перечисленные языки образуют более широкую группу с возможным включением в нее арчинского языка, дающего чуть меньший процент совпадений по сравнению с цахурским. Вне этой группы стоит удинский язык, но по отношению к хиналугскому, аварскому и лакскому языкам его принадлежность к лезгинским языкам очевидна. Особняком стоит хиналугский язык, имеющий сопоставимый процент совпадений как с лезгинскими, так и с аварским и лакским языками. Таким образом, по данным лексикостатистики, классификация лезгинских языков приведена на схеме:

Остановимся коротко на взаимоотношениях хиналугского и лезгинских языков. Помимо лексических имеется ряд фактов, относящихся к другим уровням языковой структуры, которые препятствуют включению его в ряд лезгинских. В области фонетики обращает на себя внимание отсутствие в хиналугском языке перехода общедагестанских придыхательных аффрикат в спиранты и дезабруптивации сильных абруптивных аффрикат, ср. общелезг. *сыл- (таб. *слиб*, агул. *силеб*, рут. *сылабыр*, цах. *сили*, арч. *сот*, крыз. *сил*, буд. *сил*, уд. *ул-ух*) ~ хин. *цулоз* ~ ав. *ца* 'зуб'; общелезг. *мух (лезг. *мух*, таб. *мүх*, арч.

маха, крыз. *мыш*, буд. *мух*)~хин. *махъа*~дарг. *мухъи* 'ячень'; общелезг. **мелц* (лезг. *мез*, таб. *мелз* и т.п.)~хинал. *мицI*~ав. *майI* 'язык'; общелезг. **маIч* (агул. *маIж*, арч. *мач*, крыз. *медж*, буд. *мабдж*, рут. *мадж*, уд. *мец*)~хин. *мычI*~ав. *мицI* 'крапива'; общелезг. **виракъ/вирыкъ* (лезг. *рагъ*, таб. *ригъ*, агул. *рагъ* и т.п.)~хин. *ынкъ* 'солнце' и т.п. Не разделяет с лезгинскими языками хиналугский язык и многих морфологических изоглосс, большинство из которых может быть признано общелезгинскими инновациями (окончательное решение вопроса "архаизм или инновация" требует более широких дагестановедческих исследований). В частности, ни один из общелезгинских падежных формантов не имеет прямых соответствий в хиналугском языке: при общелезгинском показателе датива *-*д* в хиналугском имеем -*у* (генетическая связь с *-*д* хиналугского локатива на -*ш* мало вероятна), отсутствуют в хиналугском и рефлексy общелезгинского генитива на *-*н* (гипотеза об утрате конечного *-*н* в хиналугском в высшей степени проблематична) и т.п. Значительные расхождения между хиналугским и лезгинскими языками обнаруживаются и в глагольной морфологии: нельзя, пожалуй, назвать сколько-нибудь надежно постулируемого сопоставления в этой области.

Имеющиеся совпадения, как правило, носят общедагестанский, а не общелезгинский характер. Например, общелезгинский показатель локализации *-*лѣв*- находит параллели не только в хиналугском -*ш*, но и в других дагестанских языках (ср. лак. -*хъ*).

Нельзя не заметить и определенной общности хиналугского языка с лезгинскими, которая, на наш взгляд, обуславливается контактами его с лезгинским, крызским и будухским языками. Так, из лезгинского языка хиналугский заимствовал лексемы *ксан* 'хороший' (<лезг. *хъсан*), *чхи* 'большой' (<лезг. *члехи*), *клави* 'крепкий' (<лезг. *клеви*), возможно, *бацIыз* 'козленок' (<лезг. *бацIу*), *даьдаь* 'мать' (<лезг. *диде*), из шахдагских — *бий* 'отец' (<крыз. *баьй*), *кач* 'сука' (<крыз. *каьч*, буд. *кач*), *махар* 'грудь' (<крыз., буд. *махар*), *мыс* 'когда' (<буд. *мыс.*). Мы привели здесь лишь некоторые примеры, однако специальное исследование, думается, может значительно расширить список подобных заимствований.

Нельзя сомневаться, что подобного рода общности должны обнаруживаться и в морфологии. В связи с этим обращает на себя внимание такое явление, как разграничение органической и неорганической принадлежности в будухском и хиналугском.

В силу этого представляется возможным присоединиться к высказанной Ю.Д. Дешериевым (1959, 207) гипотезе, согласно которой "хиналугский язык, принадлежащий к особой группе дагестанских языков, с древних времен испытывал сильное влияние генетически родственных ему языков лезгинской группы. В результате такого влияния в хиналугский язык вошло много слов из языков лезгинской группы. При этом хиналугские фонетические варианты исконных слов могли быть заменены фонетическими вариантами этих слов, встречающимися в языках лезгинской группы".

Осуществляя первое в дагестановедении исследование такого рода, автор не мог, естественно, не опираться на опыт создания аналогичных работ по другим языковым группам — индоевропейской, тюркской, финно-угорской и особенно кавказской. Здесь имеются в виду прежде всего сравнительно-историческая грамматика нахских языков Ю.Д. Дешериева (1963) и этимологические словари картвельских (Климов 1964) и адыгских (Шагиров 1977) языков. Помимо имеющейся по лезгинским языкам литературы, в работе был использован материал, собранный автором в полевых условиях во время лингвистических экспедиций кафедры структурной лингвистики МГУ и Института истории, языка и литературы им. Гамзата Цадасы Даг. филиала АН СССР.